

ДИНА ДМИТРИЕВНА КОПАНЕВА
 кандидат исторических наук, старший преподаватель
 Института истории
 Санкт-Петербургский государственный университет
 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 st036379@spbu.ru

РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ДЕНЕЖНОЙ ПОМОЩИ ПРИ МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ РОМАНОВЕ: ИСТОРИЯ, ХАРАКТЕР, ИТОГИ*

Статья посвящена примечательному эпизоду русско-персидских отношений XVII века, касающемуся истории финансовой помощи персидского шаха Аббаса I русскому царю Михаилу Федоровичу Романову. На основе изучения иранской и русской историографии, а также анализа источников, сохранившихся в материалах Посольского приказа из фонда 77 Российского государственного архива древних актов, автор исследует историю данного займа. Установлено, что из посольств, отправленных первым Романовым к Аббасу Великому с целью получения денег, частичного успеха добилась лишь миссия Ф. И. Левонтьева. С ответным посольством правителем Ирана были присланы русскому царю слитки серебра на общую сумму около 7000 рублей. Не соглашаясь с встречающейся в литературе трактовкой выделенных средств как подарка, автор, исходя из содержания источников, предлагает рассматривать изучаемый эпизод именно как займ, выделенный на фоне отказа в помощи Михаилу Федоровичу со стороны большинства других государств.

Ключевые слова: Россия, Персия, царь Михаил Федорович, шах Аббас I, XVII век, Посольский приказ, история международных отношений

Для цитирования: Копанева Д. Д. Русско-персидские переговоры о денежной помощи при Михаиле Федоровиче Романове: история, характер, итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.478

ВВЕДЕНИЕ

Исторический период, последовавший за воцарением Михаила Федоровича Романова (1596–1645), был сложным временем для всего Русского государства. Страна с трудом преодолевала последствия сотрясавшей ее многолетней Смуты, продолжая вести затяжную войну с Речью Посполитой. Перед молодым государем остро стоял вопрос нехватки средств на восстановление страны и ведение военных действий. В сложившихся условиях одним из возможных источников их получения могли стать иностранные займы. Однако этому препятствовала неблагоприятная международная обстановка. По вступлении на престол царь «немедленно обратился ко всем европейским державам с “обвещением” о своем избрании и с просьбами о займе»¹. Французский король Людовик XIII отказал ему в помощи², так же как и Дания³. В августе 1617 года русское посольство с поручением запросить до 400 тысяч рублей было направлено в Англию⁴. Английский король Яков I ответил отказом, однако торговые английские организации решили предоставить заем в размере 100 тысяч рублей⁵. Взамен от России требовали уступок в торговле и точного указания срока погашения займа⁶. Деньги пору-

чено было доставить посольству Дадли Диггса (Dudley Digges). Прибыв в Архангельск и узнав о наступлении поляков, Диггс бежал обратно в Англию, увезя большую часть денег⁷. В марте 1619 года английский купец Ульянов Фабин (Фабиан Смит) привез остатки денежной казны⁸. В результате Москва получила всего 20 тысяч рублей, которые были приняты русским правительством, а затем (по требованию англичан) были возвращены в 1620 году⁹. Посольство, прибывшее в июне 1617 года в Гаагу, просило Соединенные Нидерланды выделить на войну с польским королем 70000 руб. и военное снаряжение¹⁰. После долгих колебаний и обсуждений генеральные штаты Соединенных Нидерландов приняли резолюцию о выделении Московскому государству боеприпасов, стоимость которых не должна была превышать 20000 гульденов¹¹. При этом особо оговаривалось, что Амстердамское адмиралтейство должно держать эту цифру в секрете и после переговоров с амстердамскими купцами отредактировать статьи с просьбой о торговых льготах¹². Таким образом, поиск финансовой помощи на Западе не увенчался серьезным успехом. С. М. Соловьев, описывая взаимоотношения русского и австрийского дворов, пришел к выводу, что

последний не был убежден в прочном укреплении на престоле Михаила¹³. Аналогичную точку зрения высказывали С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин, считая, что на результатах переговоров отрицательно сказалось отсутствие уверенности партнеров в прочности нового правительства¹⁴.

Поиски денежных средств велись не только в Европе, но и на Востоке. Важным направлением московской внешней политики являлись взаимоотношения с Персией. Внимание исследователей давно привлекал эпизод, связанный с предоставлением займа Михаилу Федоровичу от персидского шаха Аббаса I (1571–1629)¹⁵. Однако обстоятельства получения этих денег до сих пор остаются не до конца изученными. В этой связи представляется интересным на материалах Посольского приказа из фонда № 77 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) «Сношения России с Персией» рассмотреть историю получения данного займа, его характер и размер, а также изучить российскую и иранскую историографию, посвященную этому вопросу.

При анализе историографии о начале ирано-российских дипломатических контактов прежде всего следует обратиться к фундаментальному труду Н. М. Карамзина, в котором упоминается о посольстве Алексея Позднякова, отправленного в Персию Иваном IV в мае 1569 года. Автор указывает, что сведения «о сих древнейших Персидских Посольствах сохранились только в книге Титуларник¹⁶». Как отмечал А. П. Новосельцев, Н. М. Карамзин пользовался «русскими тогда еще не опубликованными архивными документами (некоторые не сохранились и в настоящее время могут быть использованы лишь по работе этого историка)» [5: 444]. Это подтверждают исследования Н. М. Рогожина, посвященные посольским книгам из фондов РГАДА [7: 53]. Вместе с тем «определенный массив посольских книг, в том числе по связям России с Персией, сохранился» [1: 98].

Первая публикация материалов «персидских книг» периода царствования Михаила Романова относится к 1788 году, когда в пятом томе «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новиков опубликовал Посольский наказ князю М. П. Барятинскому, отправленному к персидскому шаху в 1618 году¹⁷. Оригиналы посольских списков, в том числе посольские дела с Персидским двором, Н. И. Новикову в 1770 году передал князь М. М. Щербатов [4: 285]. В 1890–1898 годах Н. И. Веселовский опубликовал три тома документов из «персидских» посольских книг, относящиеся к истории взаимоотношений России

с Персией за период с 1588 по 1621 год. Среди этих дипломатических документов материалы по посольству Федора Исаковича Левонтьева, а также посольству Михаила Петровича Барятинского¹⁸. Данный труд не потерял актуальности до настоящего времени и неоднократно использовался в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Дипломатические отношения с Ираном не обошел в своей «Истории России» С. М. Соловьев. Освещая этот вопрос, он приводит небольшую выдержку из документов посольства Барятинского, кратко излагая историю этого посольства и посольства Коробынина-Кувшинова (1621 год)¹⁹. Относительно интересующего нас вопроса о займе историк ограничивается без каких-либо пояснений замечанием, что «царь Михаил начал очень дружеские сношения с Персидским шахом Аббасом, который прислал даже денег ему на помощь»²⁰. Наряду с «Историей России» С. М. Соловьева следует отметить аналогичный труд Д. И. Иловайского, в котором исследователь, не разбирая обстоятельств денежной помощи со стороны шаха Аббаса, указывает, что в 1617 году персидский шах помог Михаилу Федоровичу деньгами, прислав ему «слитков серебра на 7000 рублей»²¹. Данный эпизод касается посольства Федора Левонтьева и дьяка Богдана Тимофеева к шаху Аббасу в 1616–1617 годах, подробности которого будут рассмотрены ниже.

В работах советских историков и востоковедов, посвященных международным отношениям первой половины XVII века, главные события того времени в истории Европы – Тридцатилетняя война и интересы Москвы на Западе – часто заслоняли значение российско-иранских отношений при Михаиле Федоровиче. Персидский заем упоминался редко, причем особой значимости в общем событийном контексте ему не придавалось [6: 109]. Так, в фундаментальной работе «История внешней политики России. Конец XV–XVII век» финансовая помощь со стороны шаха Аббаса не упоминается вовсе²².

Азербайджанский историк Г. Сеидова, помимо материалов, связанных с посольством Ф. Левонтьева и дьяка Б. Тимофеева (со ссылкой на сборник Н. И. Веселовского), использовала в своей работе документы фонда 138 («Дела о Посольском приказе и служивших в нем») для выяснения условий выдачи кредита от шаха Аббаса. Согласно ее версии, шах обещал дать заем при обязательстве русского царя «на Койсе и в Тарках поставить города и людей посадить», обещая снабжать их провиантом [8: 48].

Для иранских историков, изучавших русско-персидские отношения, опубликованные под

редакцией Н. И. Веселовского материалы остаются фактически основным источником. Эпизод с просьбой о финансовой помощи от имени русского царя трактуется ими одинаково. Фактически это один нарратив с небольшими отличиями, и он связан с посольством М. П. Барятинского в 1618–1619 годах. Вероятно, первым из иранских историков, кто упомянул данный эпизод в своей работе, был Сайд Мухаммад 'Али Джамалзада. Он правильно назвал фамилию посла, точно описал причины, побудившие царя обратиться за помощью, но ошибочно указал на наличие обещания с российской стороны «заложить Астрахань» [9: 151].

Наджаф Кули Мирза Хисам ад-Даула Му'иззи приводил те же сведения, что и Джамалзада, при этом дополняя их ссылкой на информацию о посольстве М. П. Барятинского из дневника испанского посла дона Гарсия, бывшего тогда также при дворе шаха [11: 292]. Стоит отметить, что указанный Му'иззи западный источник не содержит подробностей дипломатической деятельности посольства, описывая скорее его внешнюю сторону²³. Один из крупнейших специалистов по периоду правления Аббаса I Насрулла Фалсафи связывал историю долговых обязательств также только с миссией М. П. Барятинского. Сведения о последней, почерпнутые из указанного сборника документов, автором заметно искажены (сам посол назван ошибочно Воротынским). В частности, Н. Фалсафи писал, что «посол был уполномочен в случае согласия шаха подготовить все необходимые документы, и даже пообещать город Астрахань в качестве залога» [10: 1094]. Затем он добавил, что «в точности неизвестно, какую сумму просил русский царь у шаха, однако посол упомянул о том, что расходы из государственной казны на войну с поляками составляют 400 000 манатов ежегодно» [10: 1094]. Стоит уточнить, что Н. Фалсафи, очевидно, работал с неверным переводом труда Н. И. Веселовского, поскольку в наказе послу М. П. Барятинскому было указано от просьбы заложить Астрахань уклоняться и отвечать, что без ведома государя он не уполномочен решать такие вопросы²⁴. По версии иранского историка, шах Аббас необходимой суммы не выдал, в связи с чем «послы выглядели недовольными» [10: 1095].

Среди работ, затрагивающих в той или иной мере эпизод с персидским займом, следует выделить исследования П. П. Бушева, детально изучившего историю посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1621 годах²⁵[2]. Как указал данный автор, в 1614 году Михаил Романов направил посольство Михаила Никитича Тиханова, принимая которое

Аббас I не скучился на широкие, но расплывчатые обещания, в том числе об оказании материальной помощи. Однако никаких конкретных решений о займе принято не было [2: 41, 55]²⁶.

Рассматривая вопрос о займе, безусловно, нужно максимально подробно исследовать документы, хранящиеся в фонде 77 Российского государственного архива древних актов. В ходе историко-архивной работы в указанном хранилище нами были рассмотрены материалы, связанные с российским направлением дипломатии Сефевидов эпохи шаха Аббаса I. Эти свидетельства наиболее полно отразили историю рассматриваемого вопроса.

Нам известно, что в 1617 году к шаху Аббасу было отправлено русское посольство во главе с Федором Левонтьевым и дьяком Богданом Тимофеевым. Одной из основных целей миссии была передача просьбы о предоставлении шахом Аббасом денежного займа новому царю. Еще П. П. Бушев отмечал, что надежда на получение от шаха столь необходимой правительству Михаила Романова денежной помощи подпитывалась заверениями посланников кизылбашского государя Хаджи Муртазы и Булат-бека [2: 143]. Как подчеркивал автор, ввиду острой нужды в займе посланникам не возбранялся для достижения цели подкуп людей шаха [2: 146].

В царском наказе послу Левонтьеву говорится следующее:

«...а однолично бъ вамъ о томъ всего больши радети: казны на вспоможенье у шаха выпросити, хоти четыреста тысячь рублей, а по последней мере сто тысячь рублей. А будеть познаете, что шаховы близкие люди будутъ на то подвижны, шаха на то учнуть наговаривать, а похотять отъ васъ за то подарковъ что будетъ пригоже, только бъ вамъ однолично темъ промыслити и намъ темъ послужити, чтобы шахъ къ намъ ныне казны на вспоможенье съ посломъ своимъ и съ посланникомъ однолично съ вами вместе прислать на семь лете. А какъ вашею службою и радениемъ то у шаха зделаetsца, казны къ намъ на вспоможенье пришлеть, и мы васъ за то пожалуемъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ и вамъ однолично о томъ порадети, у шаха казны къ намъ выпросить»²⁷.

Итак, царь рассчитывал на денежную помощь от 100 до 400 тысяч рублей.

Прощение о займе, очевидно, основывалось на данном шахом ранее декларативном обещании оказать Михаилу Федоровичу поддержку ратными людьми и деньгами. В тексте копии царской грамоты шаху прямо указано:

«Присыпал к намъ, великому государю, от тебя, брата нашего, з грамотою в прошломъ, во 123 году, гилянецъ Хозя Муртоза, и говорил в разговорехъ нашимъ приказнымъ людемъ: “будеть намъ, великому государю, против нашихъ недрузеи надобно на помочь какие каз-

ны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, к тебе отписати или приказати не стыдяся, и ты, великий государь, братъ нашъ шах-Аббасово величество, намъ, великому государю, ни за что не постоишь – тотчасъ к нам, великому государю, пришлешь»²⁸.

Напоминая шаху об обещании поддержки, Михаил Федорович давал понять, что рассчитывает на его выполнение: «И вы б, великий государь, какъ к намъ, великому государю, в грамоте своей писал и речью приказывал, так бы и совершаль – на томъ бы своеемъ слове крепко стоялъ»²⁹. Для обоснования необходимости финансовой помощи Аббасу I описывалось бедственное положение русских земель после их разорения поляками, которые «град Москву разорили, и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей росийскихъ, предки нашихъ, за много лет собранье разграбили»³⁰. Четко была обозначена и цель, на которую пойдут средства: против «недруга польского короля нашему царскому величеству вспоможенье учинити своею казною, а послали есмя к тебе, брату нашему, с сею нашею любительною грамотою просити вспоможенья посланниковъ нашихъ»³¹. Из текста грамоты следует, что имел место запрос Москвы на смешанный заем, так как царь интересуется «каких узорочеи»³², что ведетца в наших государствах к вам, брату нашему, за тое казну, что к нам пришлете, послати»³³.

До нас дошли также исходящие от Михаила Федоровича письменные наказы послам. Федору Левонтьеву и Богдану Тимофееву было подробно объяснено, как именно изложить царскую просьбу и какие ответы давать на возможные вопросы со стороны шаха и его окружения. Вопрос о займе следовало поднимать после вручения «поминок»³⁴. В остальном устный наказ повторяет содержание письменной грамоты: персидскому правительству также надо было припомнить его обещание прислать «на помочь какие казны или ратныхъ людей»³⁵ и изложить просьбу «против нашего недруга польского короля нашему царскому величеству вспоможенье учинити своею казною»³⁶. Финансовую помощь Михаил Федорович надеялся получить одним денежным траншем с ответным кизылбашским посольством:

«И вы б, великий государь, брат нашъ, шах-Аббасово величество к намъ, великому государю, начало братственные сердечные любви показал: того нашего посланника Федора да дьяка Богдана к нам отпустил не задержав, и своею большого посла, близнево человека к нам с ним вместе прислал, и казны денежные к нам с ним, что у вас, великого государя, случилося к намъ, с нашими посланниками и с своимъ послом прислал, чемъ нам против недруга нашего стояти...»³⁷.

Шаху вновь велено сказать, что в счет уплаты долга будут присланы узорочки на его выбор, хотя и признано, что «да и по ся места после того разоренья у великого государя нашего въ его царского величества казне всякихъ узорочеи в собранье мало»³⁸.

На логичный вопрос о сумме предполагаемого займа послам было велено не давать однозначного ответа. Если «учнут их спрашивати, колко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу Всея Русии на помочь казны надобно»³⁹, послам полагалось отвечать, что

«с нами о том царского величества приказу нетъ, только велел намъ царское величество, брату своему Аббас-шахову величеству о том говорить, чтоб его, государя, для брацких любви ссудил казною, а в том шах волен – чемъ государя нашего ссудит, то государь наш, царское величество, шаху и заплатит. Царское величество ратным своим людемъ, которые стоят против литовского, дает своего государства годового жалованья на год на два срока по 400 000 рублей – то стрельцомъ и казакомъ опричь дворян и детей боярскихъ, толко с нами о том не наказано, чего у шахова величества просити»⁴⁰.

Предписывалось также уклоняться от определенного ответа и в том случае, если

«шах или шаховы ближние люди учнут говорити, что шах царское величество деньгами ссудить, толко б было чему верити, и учнуть им говорити чтоб они в том дали запись и крестъ на том целовали, что государю те деньги заплатит, и учнуть приговаривать сроку...»⁴¹.

По всей видимости, в Москве опасались, что Аббас, помня ситуацию, сложившуюся во время Смуты, может потребовать в залклад Астрахань⁴². Поэтому, в случае если будет предложено, чтобы послы «Астарахань в залклад записали и крестным целованием утвердили», Левонтьеву и Тимофееву следовало отвечать, что без царского повеления они договоренностей заключать не могут, а условия помочи царь будет обсуждать лично с шахскими послами:

«...с нами о томъ не наказано, сколко казны просити и какъ в том крепитца, и нам мимо государя своего наказ собою ничего делать нельзя, а послал бы шахово величество казну с ними вместе с своими большими послы з ближними людьми, и с ними о томъ наказал какъ в тои казне с царскимъ величествомъ укрепитца, и царское величество велит о томъ с ними своим бояромъ ближнимъ говорити и закрепитца, а царское величество государь праведной, премудрои – слово ево царское иначо, что молвить, не бывает. В том с шаховым величеством в не-любе быти не похочеть – заплатити шаху тое казну по договору велить тотчасъ узорочными товары, которые въ его государстве ведутца»⁴³.

В вопросах об Астрахани послам следовало «отказать накрепко и о томъ, и о иныхъ ни о какихъ делехъ не приговаривал и не закрепляти»⁴⁴.

В 1617 году миссия Левонтьева вернулась в Москву вместе с посланными от шаха персидскими дипломатами Каем Салтаном и Булатбеком, «а с ними к государю поминки многие и денежная казна»⁴⁵. Федору Левонтьеву и Богдану Тимофееву было велено явиться к царю раньше кизылбашских представителей⁴⁶. Статейный список от посольства Тимофеева до нас не дошел, однако дело о посольстве Кая Салтана сохранило небольшой отрывок без начала и даты, содержащий некоторые сведения о займе [2: 151]. Этот фрагмент передает часть разговора шаха с московскими послами по вопросу формы долга: «И шах спрашивал какие он казны государю на вспоможение просит – денежные или узорочные? И Федоръ шаху говорил, чтоб ему к государю послать денежная казна. И шах Федору говорил: пошлет он к государю узорочьми, что у него каких узорочеи в казне есть». Итак, несмотря на просьбу прислать именно денежную казну, Аббас предлагает лишь узорочья. Причина такого ответа раскрывается далее: шах отвечал, что «денежные казны теперь послать ему нечего потому что он стоит против недруга своего и дает жалованье своим служилым людем». Аргументом в пользу отказа от посылки денег со стороны шаха стало утверждение, что персидские деньги «у государя въ его государстве не пригодятца, потому что оне не ходят»⁴⁷.

Несмотря на, по существу, негативный ответ Аббаса, посольство Кая Салтана и Булатбека, как отмечалось выше, привезло с собой русскому государю «лехкую казну»⁴⁸. На приеме послов у Михаила Федоровича было сказано, что шах Аббас в бытность у него российского посольства Левонтьева

«грамоту принял и речи у него высушал любительно, и к намъ великому государю отпустил не издержав, и с нимъ вместе прислал к намъ, к великому государю вас, послов твоих Кая Салтана да Булатбека с своими любительными поминки, да с вами же вместе к нам великому государю прислал в слиткахъ серебра нынешними московскими новыми денгами⁴⁹, что у брата нашего в то время случилось, на 7000 рублей, и мы, великий государь, наше царское величество от брата нашего, шах-Аббасова величества те нынешние ево к нам, великому государю, любительные поминки и серебро, что с вами, послы своими, к намъ, великому государю, прислал приымаем...»⁵⁰.

По поводу возврата долга царь отвечал, что

«как наше царское величество с недругом нашим с полскимъ королемъ поуправится и мы великий государь наше царское величество тое казну брату нашему шах аббасову величеству заплатить велимы какими узорочи из нашего государства шахову величеству будет угодно»⁵¹.

Что касается размера присланной «казны», то несколько раз упоминается, что деньги были переданы в виде ста слитков серебра⁵². Материалы из дела о посольстве Кая Салтана и Булатбека содержат информацию о том, что «во сте слитках серебра весу тысяча шестьсот восемьдесят шесть гривенок двадцать семь золотникъ»⁵³. Уточнена и денежная оценка этих слитков: после переливки из них вышло 6982 рубля 10 алтын 24 золотника⁵⁴. В любом случае, эта сумма была гораздо ниже, чем минимальный запрос, обозначенный в наказе послам.

Итак, попытку посольства Левонтьева получить финансовую помощь от Аббаса Великого нельзя было признать успешной. По всей вероятности, именно поэтому следующее русское посольство, отправившееся в Персию в 1618 году, получает ту же задачу и почти те же указания (например, здесь повторяется наказ уходить от любых решений по закладу Астрахани). Посольство М. П. Барятинского – И. И. Чичерина в 1618–1620 годах, в отличие от «легкого посольства Левонтьева», было тщательнее подготовлено, многочисленно и представительно [2: 176–177], [3: 17].

Подробно останавливаясь на истории посольства, П. П. Бушев, на наш взгляд, верно резюмирует, что «шах не только не выполнил своих многократных обещаний о займе, но и всячески уклонялся от делового общения с членами посольства» [2: 198]. Миссией Барятинского-Чичерина правительство Михаила Романова «закончило попытки обращаться к иностранным державам с просьбами о финансовой помощи» [2: 238].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование показало, что поиски правительством Михаила Федоровича финансовой помощи у Сефевидов, как и в Европе, не увенчались значительным успехом. Из посольств, направленных в Персию с конкретной целью изыскания денежных средств, лишь миссии Ф. Левонтьева удалось получить «лехкую казну», впрочем, крайне недостаточную. Несмотря на обещание дать денег, шах Аббас в конце концов ответил отказом, сославшись на внутренние трудности. Однако позднее он все же передал России денежные средства в виде слитков серебра на сумму около 7000 рублей. Необычная форма «казны» ставит перед нами вопрос о том, что же все-таки представляли из себя слитки, присланные шахом, – кредит или подарок. Указывая на то, что шах отказал в займе денег, П. П. Бушев трактует выделение средств как «среднего уровня подарок» [2: 152,

154]. По его мнению, из-за незначительности суммы посылка слитков была расценена русской стороной в качестве обычных «поминок» [2: 160]. В самом деле, «казна» в денежном эквиваленте составляла всего 7000 рублей и была слишком незначительна. Никаких дальнейших упоминаний об оплате этого долга или же требования со стороны шаха о его возвращении нам неизвестно. Тем не менее при их получении царь дал обещание вернуть все узорочьями, в связи с чем все же нельзя согласиться с мнением П. П. Бушева о том, что получение этих слитков рассматривалось

в Москве как подарок. Исходя из текста источников, исследуемых в данной статье, предлагается трактовать изучаемый эпизод именно как небольшой заем в условно денежной форме. Однако его размеры, в особенности в сравнении с запрашиваемой суммой, не позволяют считать этот транш значительным эпизодом в истории внешнего кредитования. Тем не менее сам факт выдачи данного займа, особенно на фоне отказа в помощи со стороны большинства государств, стал примечательным эпизодом русско-персидских отношений XVII века.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бахрушин С. В., Сказкин С. Д. Дипломатия в XVII веке // История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. Т. 1. М.: Соцэлклиз, 1941. С. 204–250.
- ² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб.: Обществен. польза, 1896. Кн. 2. Т. 9. 1175 стб.
- ³ История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. С. 220.
- ⁴ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2006. С. 90, 96, 101–103.
- ⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. 1175 стб.; Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л.: Сеятель, 1925. С. 62.
- ⁶ Костриков М. С. Русско-английские отношения во второй половине XVI–XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 132–134.
- ⁷ Лисеццев Д. В. Английская книга Посольского приказа 1614–1617 гг. как исторический источник // Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2006. С. 19; Костриков М. С. Указ. соч. С. 132–134.
- ⁸ Посольская книга. С. 102, сноска 253.
- ⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. 1179 стб.
- ¹⁰ Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг., с приложением Очерка сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. / Под ред. В. А. Кордта // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 116. СПб., 1902. С. CLXI–CLXII.
- ¹¹ Там же. С. CLXIV–CLXV.
- ¹² Там же.
- ¹³ Соловьев С. М. Указ. соч. 1019 стб.
- ¹⁴ Бахрушин С. В., Сказкин С. Д. Указ. соч. С. 227.
- ¹⁵ Шах от Тигра до Инда // Дилетант [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://diletant.media/articles/38985404/> (дата обращения 13.03.2020).
- ¹⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. Т. 9. Примечания. Примеч. 249. С. 79–80; Примеч. 25. С. 81–82.
- ¹⁷ Посольской наказ Дворянину и Наместнику Болховскому Князь Михайлу Петровичу Борятинскому с товарищи, отправленным в Посольство к Персидскому Шаху 7126 (1618) года Маия 18 дня // Древняя российская вивлиография, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / Изд. Н. И. Новикова. 2-е изд. М.: Тип. К°тип-ской, 1788. Ч. 5. С. 1–135.
- ¹⁸ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Изд. под ред. Н. И. Веселовского. Т. 3: Царствование Михаила Федоровича (продолжение). СПб.: Лештуковская Паровая Печатня, 1898. С. 138–731.
- ¹⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. 1186–1189 стб.
- ²⁰ Там же. 1186 стб.
- ²¹ Иловайский Д. И. История России. Т. 4.2: Эпоха Михаила Федоровича Романова. Гл. VII. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко, 1899. С. 45.
- ²² История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
- ²³ L' Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa En Perse, Contenant La Politique de ce Grand Empire, les moeurs du Roy Schach Abbas, es une Relation exacte de tous les lieux de Perse es des Indes, ou cet Ambassadeur a esté

- l'espace de huit années qu'il y a demeuré. Traduite de l'Espagnol Par Monsieur De Wicqfort. A Paris, Chez Lovis Billaine, au second Pillier de la grand' Sale du Palais, au grand Cesar. M. DC. LXVII (1667). P. 190, 202.
- ²⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений. С. 248.
- ²⁵ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 479 с.
- ²⁶ Заметим, что отдельную работу посольству Тиханова посвятил М. В. Моисеев, его трактовка событий совпадает с мнением П. П. Бушева. См.: Моисеев М. В. «Проваленная миссия». Посольство М. Н. Тиханова в Иран 1613–1615 гг. // Мининские чтения: Сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII века. Н. Новгород: Кварц, 2012. С. 351–358.
- ²⁷ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 177–178.
- ²⁸ РГАДА. 1616. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–107.
- ²⁹ Там же. Л. 107–108.
- ³⁰ Там же. Л. 109.
- ³¹ Там же. Л. 109–110.
- ³² Узорочие и узорочье – драгоценные вещи и ткани с литыми или резными, шитыми или тканевыми узорами, служащие к украшению и великолепию. См.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. Т. 4. С. 322.
- ³³ РГАДА. 1616. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 110–111.
- ³⁴ Там же. Л. 142.
- ³⁵ Там же. Л. 159.
- ³⁶ Там же. Л. 150.
- ³⁷ Там же. Л. 151–152.
- ³⁸ Там же. Л. 156.
- ³⁹ Там же. Л. 164.
- ⁴⁰ Там же. Л. 165.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² И. Заруцкий, захвативший в 1613 году с мятежными казаками Астрахань, чувствуя непрочность своего с М. Мнишек положения, обратился к Аббасу I с целью получения помощи. В Москве опасались, что результатом этих переговоров может стать захват Астрахани. См.: Отписка Самарского воеводы князя Дмитрия Пожарского Казанским воеводам князьям Ивану Воротынскому и Юрью Ушатому, о вестях про Заруцкаго. 1614 марта 30 // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. Т. 3. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. № 248. С. 412; Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государства в 1613–1621 гг. М.: Наука, 1987. С. 19–20, 42–44, 74, 99–102 и др.
- ⁴³ РГАДА. 1616. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 166.
- ⁴⁴ Там же. Л. 172.
- ⁴⁵ РГАДА. 1617–1618. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.
- ⁴⁶ Там же. Л. 71.
- ⁴⁷ Там же. Л. 253.
- ⁴⁸ Там же. Л. 76.
- ⁴⁹ В начале царствования Михаила Федоровича Муравьевы монеты стали более легковесными и чеканились не по «старой» трехрублевой, а по «новой» четырехрублевой стопе. См.: Муравьев Л. А. Деньги и денежное обращение в годы правления Михаила Федоровича Романова // Дайджест-финансы. 2005. Вып. 10 (130). С. 54, 60.
- ⁵⁰ РГАДА. 1617–1618. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–74.
- ⁵¹ Там же. Л. 86–87.
- ⁵² Там же. Л. 123, 225.
- ⁵³ Там же. Л. 121. Согласно данным литературы о денежном счете в изучаемый период, 1686 гривенок 27 золотников составляют около 345,22 кг серебра. См.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. 2-е изд. М., 1975. С. 169–170, 188.
- ⁵⁴ РГАДА. 1617–1618. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 122, 125.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бокарева О. Б. Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2010. № 7 (50). С. 96–106.
- Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государства в 1613–1621 гг. М.: Наука, 1987. 280 с.
- Заркешев А., и гумен. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг.). СПб., 2002. 135 с.
- Моисеева Г. Н. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1970. Т. 25. С. 276–293.
- Новосельцев А. П. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в.: Сборник. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 444–461.

6. Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 103–121.
7. Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М.: Институт истории СССР, 1990. 239 с.
8. Сейдова Г. М. Азербайджан в торговых и политических взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII в. (по русским источникам). Баку: Нурлан, 2004. 172 с.
9. Djamal Zada S. M. ‘A. Tārīkh-i ravābit-i Rūs va Īrān. Ba kušš-i ‘Alī Dihbāšī. Tīhrān: Sukhan, 1384. 249 p.
10. Fałsa fī N. Zindigānī-yi Šāh ‘Abbās-i avval. Mudjallad-i sivvum: Dīndārī, sīyāsat-i madhabī, sīyāsat-i dākhilī, ‘adālat, dārāyī va amlāk. Tīhrān: Intišārāt-i dānišgāh-i Tīhrān, 1353. 341 p.
11. Mu’izzī N. H. Tārīkh-i ravābit-i sīyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hakhāmanišī tā taḥavvulāt-i akhīr. Djild-i avval. Tīhrān: Čāpkhāna-yi ‘ilmī, 1324. 341 p.

Поступила в редакцию 13.04.2020

Dina D. Kopaneva, PhD in History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
st036379@spbu.ru

RUSSIAN-PERSIAN NEGOTIATIONS OVER FINANCIAL HELP DURING THE REIGN OF MIKHAIL FYODOROVICH ROMANOV: HISTORY, PATTERNS, OUTCOMES*

The article deals with a notable episode in the Russian-Persian relations in the XVII century regarding the history of a money loan given by the Persian Shah Abbas I to the Russian Tsar Mikhail Fyodorovich Romanov. Research into Iranian and Russian historiography, as well as the analysis of the sources preserved among the files of the Posolsky Prikaz (the Ambassadorial Bureau) from fund 77 of the Russian State Archive of Ancient Acts enables to investigate the history and circumstances of this loan. It is established that out of all the embassies sent by the Russian Tsar to Shah Abbas in order to receive money, only the 1616 mission led by F. I. Levontiev achieved partial success. Shah Abbas sent 7000 rubles in silver ingots to the Russian Tsar. The author dismisses the existing concept that regards this money as a simple gift, but interprets it, judging by the texts of the studied sources, as a loan that was given amid the refusal of many other countries to help the Russian Tsar.

Keywords: Russia, Persia, Mikhail Fyodorovich, Shah Abbas I, XVII century, Posolsky Prikaz, Ambassadorial Bureau, history of international relations

*The study was supported by the Russian Science Foundation research grant No 18-78-10052 “The Documentary History of the Russian Strand of Safavid Diplomacy (1501–1722)”.

Cite this article as: Kopaneva D. D. Russian-Persian negotiations over financial help during the reign of Mikhail Fyodorovich Romanov: history, patterns, outcomes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 4. No 4. C. 19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.478

REFERENCES

1. Bokareva O. B. Ambassadorial books on connections of Russia with Persia of the 1st half of XVIIth century. *RGGU Bulletin. Series: Historical Sciences. Historiography, source study, methods of historical researches*. 2010. No 7 (50). P. 96–106. (In Russ.)
2. Bushhev P. P. History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1613–1621. Moscow, 1987. 280 p. (In Russ.)
3. Zarkehev A. The Russian Orthodox Church in Persia and Iran (1597–2001). St. Petersburg, 2002. 135 p. (In Russ.)
4. Moiseeva G. N. Literary and historical monuments of Ancient Russia in the publications of N. I. Novikov. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow, Leningrad, 1970. Vol. 25. P. 276–293. (In Russ.)
5. Novosel’tsev A. P. Russian-Iranian political relations in the second half of the XVI century. *International relations of Russia before the XVII century*. Moscow, 1961. P. 444–461. (In Russ.)
6. Novosel’tsev A. P. Russian-Iranian relations in the first half of the XVII century. *International relations of Russia in the XVII and the XVIII centuries*. Moscow, 1966. P. 103–121. (In Russ.)
7. Rogozhin N. M. Review of the ambassadorial books from the collections stored in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (late XV – early XVIII centuries). Moscow, 1990. 239 p. (In Russ.)
8. Seidova G. M. Azerbaijan in trade and political relations of the Safavid Empire and the Russian state in the XVII century (according to Russian sources). Baku, 2004. 172 p. (In Russ.)
9. Djamal Zada S. M. ‘A. Tārīkh-i ravābit-i Rūs va Īrān. Ba kušš-i ‘Alī Dihbāšī. Tīhrān, 1384. 249 p.
10. Fałsa fī N. Zindigānī-yi Šāh ‘Abbās-i avval. Mudjallad-i sivvum: Dīndārī, sīyāsat-i madhabī, sīyāsat-i dākhilī, ‘adālat, dārāyī va amlāk. Tīhrān, 1353. 341 p.
11. Mu’izzī N. H. Tārīkh-i ravābit-i sīyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hakhāmanišī tā taḥavvulāt-i akhīr. Djild-i avval. Tīhrān, 1324. 341 p.

Received: 13 April, 2020